

Маркиза де Ларошжаклен

ВОСПОМИНАНИЯ

К 230-й годовщине взятия Бастилии

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Маркиза де Ларошжаклен — очевидица гражданской войны в Вандее, великой французской контрреволюции, как еще называют эту войну.

Вандея — департамент на западе Франции (куда частично вошли территории прежних провинций Анжу, Пуату и Бретань), земля, испещренная перелесками, живыми изгородями и узкими тропами, с выходом на суровый пустынный берег Атлантики. Население, большей частью крестьяне, блюли традиции, почитали короля и искренне верили во Всевышнего. Идеи Просвещения, охватившие предреволюционную Францию, казалось, увязли в вандейских болотах, и местные жители крайне настороженно встретили революцию. В краю, где феодалы жили немногим лучше своих крестьян, от слома традиционного устройства жизни ни деревня, ни кустарная промышленность не выиграли ничего. Новый строй поддержали, главным образом, жители городов, но города, за исключением столицы Вандеи морского порта Нант, были малочисленны и невелики. Революционные реформы — такие, как отмена натуральных податей, конфискация земель эмигрантов, а, главное, декрет о гражданском устройстве духовенства, — вандейские крестьяне встретили в штыки; не могли они примириться и с теми, кто казнил короля. И когда в марте 1793 года Республика объявила массовую мобилизацию, жители Вандеи отказались защищать республиканский триколор и встали под белое знамя монархии. К восставшим крестьянам примкнули эмигранты, аристократы, соседняя Бретань, где восставшие называли себя шуанами, — иными словами, все силы, противостоявшие революции: началась долгая и жестокая война «за веру и короля». Мятежные крестьяне вели партизанскую войну: собравшись в отряды, нападали на «синих»,

а потом, растворившись в зарослях, расходились по домам заниматься повседневным трудом. Те, кто имел ружья, после боя закапывали их или ломали, чтобы не достались внезапно нагрянувшим комиссарам. Многие воевали лишь вилами и дубинами. Восставшие, сами выбиравшие своих «генералов», ставили во главе отрядов тех, кого они знали и кому доверяли: местных дворян, торговцев, ремесленников. Незнание военного дела командирам часто заменяли молодость, отвага и вера. Отсутствие дисциплины в рядах повстанцев, порождавшее неразбериху и несогласованность действий, столкновение характеров и честолюбий зачастую сводили на нет победы, достигнутые отчаянной храбростью. Страшное решение Конвента стереть Вандею с лица земли, ибо она «словно язва, разъедает сердце Республики», и карательные отряды, предававшие огню все, что встречали на своем пути, унесли великое множество жизней, по некоторым данным около 200 тысяч, иначе говоря, практически четвертую часть населения Вандеи.

Родившаяся в Версале, в аристократической семье, приближенной ко двору, Мари-Луиза Виктуар де Дониссан (1772-1857) с началом революции вместе с родителями уехала подальше от Парижа, в Медок, где вышла замуж за маркиза де Лескюра. Будучи офицером, Лескюр во время восстания 10 августа 1792 года находился в рядах защитников королевского дворца Тюильри. После победы восстания и провозглашения Республики они с супругой, бывшей на седьмом месяце беременности, с трудом выбрались из Парижа и сумели добраться до его замка Клиссон в провинции Пуату. Принимавший у себя таких же, как и он, беглецов, спасавшихся от гонений новой власти, и сам чуть не ставший жертвой этих властей, Лескюр, обладавший авторитетом среди местных жителей, по всеобщему желанию встал во главе одного из отрядов вандейских повстанцев. Виктуар последовала за мужем и не разлучалась с ним до самой его гибели.

С приходом к власти Наполеона Бонапарта гражданская война на Западе Франции, в Вандее и Бретани, не закончилась, получая подпитку от эмиграции, не оставлявшей надежд на восстановление монархии. Луи де Ларошжаклен, ставший вторым супругом Виктуар, вернулся во Францию после отмены революционных законов против эмигрантов. Убежденный роялист, брат Анри де Ларошжаклена, павшего в Вандее на поле брани, Луи де Ларошжаклен активно под-

держивал тлеющие очаги мятежа. Восстание, во время которого он погиб, вспыхнуло во время возвращения Наполеона, известного как Сто дней и завершившегося поражением при Ватерлоо. Французы вернули короля и трон — до следующей революции...

Мадам де Ларошжаклен стала свидетельницей проявлений жестокой ненависти как со стороны «синих», солдат Республики в синих мундирах, так и со стороны «белых», восставших крестьян Вандеи, носивших на груди белые нашивки с пурпурным сердцем Христовым. Хрупкая женщина, она нашла в себе силы просто и без прикрас, хотя зачастую и сумбурно, описать события, которые ей довелось пережить. Первое издание «Воспоминаний маркизы де Ларошжаклен» вышло в 1814, десятое издание — в 1861. Отрывок из ее «Воспоминаний» приводится с небольшими сокращениями.

Через два дня после сражения при Мулен-ан-Шевр армия, воодушевленная победой, быстро собралась и подошла к Шатийону. Боншан¹, Ларошжаклен² и Дюшаффо³ получили ранения в руку, и у всех троих теперь одна рука висела на перевязи; все раненые офицеры, способные сесть на лошадь, также продолжали сражаться. После короткого боя город был взят, а республиканская армия разбита наголову, потеряв при этом все свои пушки и обоз; отступавших яростно преследовали: никогда еще наши враги не несли такие большие потери. <...>

Победа была полной: врагов преследовали по всем направлениям. Г-н де Лескюр и большинство командиров направились по дороге на Сен-Обен; Жирар де Борепер, отважный Лежэ, крестьянин из прихода Шанзо, ставший капитаном кавалерии, и с ним еще несколько человек устремились по дороге на Брессюир: именно в этом направлении отступил генерал Вестерманн.⁴ Видя, что его преследует лишь небольшой отряд, генерал остановился и, обратив в бегство наших кавалеристов, задумал дерзкий план быстрого возвращения в Шатийон. Собрав сто гусар и посадив каждому за спину по гренадеру, генерал в полночь прибыл к городским воротам, где не оказалось ни часовых, ни сторожей; крестьяне разграбили запасы водки, захваченные в обозе, и теперь в большинстве своем оказались пьяны. Кавалеристы, днем преследовавшие Вестерманна, пытаясь остановить его, отважно вступили в бой. Жирар де Борепер пал от двенадцати сабельных ударов; Лежэ, потеряв лошадь, примчался в больничный приют, где лежал его раненый брат, схватил его на руки, посадил на

лошадь позади кавалериста, покидавшего город, а сам вернулся продолжать сражение. Но Вестерманн уже вошел в город, и бой шел на улицах. Среди всеобщей неразберихи началась ужасная резня; гусары также были пьяны, как и наши люди; в темноте воины размахивали саблями и стреляли наугад; синие убивали женщин и детей в домах и поджигали все на своем пути. <....> Поднимаясь по лестнице, гусары сбили с ног принца де Тальмона⁵ и побежали дальше убивать хозяйку дома мадам Токе и ее дочь, шести лет от роду, хотя г-н Токе был назначен в республиканской армии; он вернулся вместе с гусарами, чтобы спасти обеих, но нашел их уже мертвыми. Люди Вестерманна убили и других женщин, чьи мужья служили в республиканской армии. Проведя пять или шесть часов в Шатийоне, Вестерманн отступил. В темноте и неразберихе вандейцы не предпринимали никаких маневров, а командиры, находившиеся за пределами города, ждали рассвета; когда же рассвело и они вошли в город, глазам их открылся кошмар прошедшей ночи: дома, объятые огнем, улицы, устланные трупами и ранеными; вандейцы оставили несчастный город. Армию, напавшую на него, обратили в бегство и разгромили, но приходилось спешить, так как с другой стороны ожидалось еще более грозное наступление.

Солдаты Майнцкого батальона под командованием генерала Клебера, соединившись со всеми западными отрядами, 14 октября заняли Мортань; армия г-на де Руарана⁶ отступила и двинулась по направлению к Шоле. Г-н де Лескюр велел сообщить мне, чтобы я покинула Бопрео и отправилась в Везен; я не смогла взять с собой г-на Дюриво⁷, ибо он был слишком плох; по дороге мы заблудились и 15-го вечером прибыли в Тремантин.

В тот же день вандейцы решили атаковать республиканцев в Шоле. Лескюр вместе с молодым Боволье отправился вперед и, поднявшись на холм, обнаружил в двадцати шагах от себя республиканский караул. «Друзья мои, вперед!» — воскликнул он. В ту же минуту пуля ударила ему в голову возле левой брови и вышла за ухом; он упал без сознания. Крестьяне, услышав крик, побежали вперед, и, не заметив своего упавшего генерала, бросились на республиканцев и быстро заставили их отступить. Швырнув саблю на землю, Боволье заплакал и закричал: «Он умер! Он умер!» — посеяв замешательство в рядах вандейцев, а подоспевший резерв Майнцкого батальона вовсе обратил их в бегство. Прибывший Бонтан, слуга г-на де Лескюра, нашел своего господина в луже крови, однако тот еще дышал; не обращая

внимания на град пуль, г-н Рену постарался остановить кровь, а затем посадил Лескюра на круп коня, привязав его к Бонтану, после чего сам поскакал в бой; двое пеших солдат поддерживали раненого и посреди беспорядочного отступления чудом доставили его в Бопрео. К этому времени основные силы вандейцев укрылись в Шоле и, не видя Лескюра, посчитали, что он погиб.

Мы переночевали в Тремантине. 16-го утром я пошла в церковь, где помолиться Богу собралось множество женщин; со стороны Шоле слышались пушечные выстрелы. Тем временем прибыли несколько беглецов; ко мне бросился г-н Перо и, не сдерживая слез, взял меня за руки; однако поняв по моему лицу, что я ничего не знаю, он сказал мне, что оплакивает поражение в бою. Я спросила, где находится г-н де Лескюр, на что он ответил — в Бопрео; Перо полагал, что моего супруга уже не было в живых, но он не чувствовал себя в силах сообщить мне ужасную новость о его смерти.

Так как каждую минуту в Тремантине могли ворваться республиканцы, мне посоветовали вернуться в Бопрео. Не сумев быстро раздобыть быков, чтобы увезти в повозке мою бедную тетку, я не стала дожидаться, а, умирая от страха, взяла на руки дочь, села на лошадь и уехала вместе с матерью. Мы остановились в Шемийе: там тетка нагнала нас. Как только она приехала, мы тотчас собрались ехать дальше; дочь я посадила в повозку. Неожиданно раздались крики: «Синие! Спасайся, кто может!» <...> Но оказалось, что тревогу подняли вандейские канониры: таким образом они хотели очистить улицы Шемийе от заполнивших их женщин и телег, чтобы провезти свои пушки. Мы продолжили путь; по дороге мы заблудились, и к ночи попали не в Бопрео, а в село Босс, в полутора лье от Луары, напротив Мон-Жан; мы переночевали в помещении, полном солдат, направлявшихся на соединение с армией г-на де Боншана.

17 октября, в три часа утра нас разбудили пушечные выстрелы; они доносились со стороны Сен-Флорана и Мон-Жана, а также с берега Луары. Все встали, чтобы пойти к мессе, которую кюре решил отслужить ночью, чтобы у крестьян осталось время присоединиться к армии до начала сражения; мы все пошли в церковь, которая быстро заполнялась народом. Священник, почтенный старец внушительного вида, самым трогательным образом наставлял солдат, убеждая их отважно защищать Господа, короля и своих жен и детей, которых убивали «синие». Во время его речи то и дело слышались пушечные

выстрелы: канонада, наше неопределенное положение, неуверенность, что будет с нами, с нашей армией и с теми, кто нам дорог, и вдобавок ночной мрак — все способствовало созданию атмосферы мрачной и скорбной. Завершив свое обращение, священник отпустил грехи беднякам, которым предстояло идти в бой.

После мессы я захотела исповедаться. Священнику сказали, что г-н де Лескюр скончался, но так как ни у кого не нашлось смелости сообщить мне об этом, то его попросили подготовить меня. Обращаясь ко мне с неизбывной добротой, сей служитель церкви вознес хвалы г-ну де Лескюру и сказал мне, что я должна благодарить Господа за то, что он даровал мне такого мужа, и что Господь, без сомнения, в милости своей станет испытывать меня великими несчастьями. Голос его звучал пророчески, и я, похолодев от страха, слушала его, не зная, что и думать; тем временем, пушечные выстрелы участились: похоже, они приближались к нам. В полуобморочном состоянии я вышла из церкви, меня посадили на лошадь, и мы устремились дальше, толком не зная, где сумеем найти пристанище. В одном лье от Боса аббат Жаго встретил людей, сообщивших ему, что г-н де Лескюр ранен и сейчас находится в Шодроне. Только тогда я узнала, о чем давно уже все знали, но скрывали от меня. Я тотчас повернула в Шодрон, где нашла супруга в ужасном состоянии: голова разбита, лицо опухшее, неразборчивая речь. Мое прибытие принесло ему облегчение: он ужасно волновался обо мне и уже отправил ко мне трех курьеров, но ни один не сумел ни найти меня, ни даже получить обо мне известий, и Лескюр решил, что я попала в руки республиканцев. Село Шодрон наполнилось беженцами и ранеными, среди которых я отыскала г-на Дюриво.

Ранение г-на де Лескюра и опоздание армии де Боншана умерили пыл не только наших солдат, но и офицеров. <...> Ночью вандейцы покинула Шоле и двинулись в Бопрео, чтобы соединиться с другими отрядами повстанцев. Некоторые командиры, в том числе и г-н де Ларошжаклен, хотели оборонять Шоле, который занимал выгодное положение, но удержать в городе солдат не удалось; в результате в Шоле оставили небольшой кавалерийский отряд и несколько пушек. 16-го утром, чтобы задержать противника и дать возможность армии соединиться в Бопрео, этот отряд недолгое время делал вид, что пытается оборонять город: это его пушки мы слышали в Тремантине. Вскоре отряд покинул город и направился на соединение с остальной

армией. Республиканцы очень осторожно вошли в Шоле и далее в этот день не продвинулись.

Собравшись в Бопрео, вандейские генералы решили предпринять последнее усилие, чтобы изгнать республиканцев. Все еще многочисленная армия, состоявшая из солдат, одержимых мстостью и желанием победить, позволяла надеяться на успех. Однако, предвидя, что нас могут разбить и принудить к отступлению, г-н де Боншан предложил поручить небольшому отряду захватить Вараде, расположенный на правом берегу Луары, чтобы в случае поражения был шанс переправиться через реку. Боншан всегда считал, что если бы мы вели войну на правом берегу, то могли бы иметь больше преимуществ; он хорошо знал Бретань и был уверен, что она примкнет к вандейцам. <...> Если бы он остался жив и принял командование над армией, то, возможно, переправа бы не послужила к гибели восставших. Но он погиб, не успев ни с кем поделиться своими планами и соображениями.

Утром 17 октября гг. д'Эльбе⁸, де Боншан, де Ларошжаклен, де Руаран, мой отец и все остальные командиры во главе сорокатысячной армии двинулись маршем на Шоле. Республиканцев насчитывалось сорок пять тысяч. Армии встретились на равнине перед Шоле. Ларошжаклен и Стоффле⁹ первыми пошли в атаку; впервые вандейцы двигались сомкнутыми колоннами, подобно линейным войскам; им удалось прорвать центр врага и отогнать его обратно в город, а также временно завладеть его пушками. Командовавший республиканцами генерал Бопоуи, пытаясь сдержать панику, охватившую синих, был дважды сброшен с коня. Но тут к синим прибыло подкрепление: солдаты Майнцского батальона. Первый их натиск вандейцы выдержали, но затем пришли в замешательство и стали отступать; командирам, являвшим чудеса храбрости, удалось вернуть часть людей, заставив синих дорого платить за свою победу. Д'Эльбе и де Боншан получили смертельные ранения; разгром был полный. Тут с основными силами дивизиона г-на де Лиро на помощь беглецам прибыл г-н де Пирон, дав возможность бежавшим вандейцам забрать своих раненых; впрочем, республиканцы были так измотаны, что не стали преследовать беглецов; они вернулись в Шоле, подожгли город и всю ночь предавались обычным для них жестокостям.

Боншана и д'Эльбе сначала привезли в Бопрео, где д'Эльбе остался, а Боншана перевезли в Сен-Флоран, где собрались остатки вандейской армии. В Бопрео оставили арьергард, но оборонялся он недолго. 16-го

Вестерманн захватил город и сжег его, а также соседние деревни; но дальше он не продвинулся.

Мне было слишком горько, чтобы подмечать все, что происходило вокруг меня, поэтому ряд подробностей мне сообщили позднее, когда события уже произошли.

Гг. де Тальмону и д'Отишану удалось выбить синих из Вараде: переправа через Луару была свободна. А уже 17-го толпа вандейцев, бежавших после разгрома при Шоле, прибыла в Сен-Флоран; наши солдаты-бретонцы и несколько жителей правого берега, пригнавшие к левому берегу свои лодки, успокаивали беглецов: «Идите к нам, друзья, у нас вы не будете ни в чем нуждаться, мы вас поддержим». Вандейцы массово стремились в лодки.

Так что когда 18-го утром прибыли офицеры, переправа уже началась. Мы покинули Шодрон ночью; г-на де Лескюра несли на носилках, закутав в одеяла: он ужасно страдал. Будучи на третьем месяце беременности, я ехала рядом с ним, исполненная горя и тревоги. Мы благополучно добрались до Сен-Флорана, где глазам моим открылось самое величественное и самое печальное зрелище, какое только можно себе представить, зрелище, которое никогда не изгладится из памяти несчастных вандейцев.

Холмы Сен-Флорана образуют своеобразный полукруглый вал, у подножия которого простирается очень широкая полоса отлогого берега Луары. В этой долине скопилось никак не меньше восьмидесяти тысяч человек: солдаты, женщины, дети, старики, раненые, а позади вдалеке поднимался дым горящих деревень, подожженных республиканцами. В этом людском скопище, откуда доносились рыдания, стоны и крики, каждый пытался отыскать родных, друзей, защитников; и хотя никто не знал, что ждет их на другом берегу, все так торопились переправиться, словно по ту сторону реки всем их бедам должен был наступить конец. Несчастных беглецов переправляли десятка два плохоньких суденышек; некоторые пытались переправиться верхом; и оставшиеся тянули руки к другому берегу, умоляя забрать их. Маленький островок посреди реки также был заполнен людьми, и оттуда до нас долетал глухой шум голосов. Многие из нас сравнивали столпотворение на переправе с картинами страшного суда...

Видя, как людское скопище спешно покидает левый берег, как армия хаотично переправляется через Луару, офицеры из Пуату впали в отчаяние. Ларошжаклен пришел в ярость, он хотел остаться на левом берегу, чтобы погибнуть от рук синих. Напрасно его убеждали,

что надо уступить людскому потоку, ибо сейчас мы вряд ли смогли бы пробудить отвагу у солдат и вернуть их на поле боя; что переправа на левый берег — единственный способ спасти народ Вандеи; он ничего не слушал. Вместе с несколькими офицерами он отыскал г-на де Лескюра и со слезами ярости рассказал ему, что происходит. Собравшись с силами, г-н де Лескюр заявил, что он тоже хотел бы умереть в Вандее; но ему сообщили, что половина армии уже переправилась на тот берег и вернуться ее уже не заставишь. Ему сказали, что огромная толпа раненых, женщин, детей и стариков, напуганных наступлением победоносной республиканской армии, которая могла появиться с минуты на минуту, устремилась на другой берег, ибо защитить себя они не могли. В конце концов г-н де Лескюр вынужден был согласиться, что удержаться на левом берегу нет никакой возможности, и согласился, чтобы его переправили на другой берег.

Только немногие офицеры, имевшие на деле или в своих фантазиях влияние на правом берегу, удовлетворенно взирали на переправлявшихся людей. Боншан, посоветовавший подготовить переправу, пребывал без сознания: он умирал.

В Сен-Флоран доставили пять тысяч пленных республиканцев. Их доставил кавалер ордена Св. Людовика и комендант Шоле Сесброн д'Аргонь, человек жестокий, по дороге приказавший расстрелять девятерых пленных, пытавшихся бежать. Офицеры принялись спорить об участи пленников, ибо брать их с собой возможности не было никакой, равно как и переправлять их через реку. Ухаживая за лежавшим на матрасе супругом, я невольно присутствовала при этой дискуссии. Сначала все единодушно заявили, что пленных надо немедленно расстрелять. «Это ужасно!» — сказал мне слабым голосом г-н де Лескюр. Но когда настало время пойти и отдать приказ уничтожить несчастных, никто не захотел взять это поручение на себя, даже Мариньи: один говорил, что начать такую жуткую бойню свыше его сил; другой — что не хочет брать на себя обязанности палача. Некоторые добавляли, что жестоко казнить несчастных, которые, находясь в плену уже четыре месяца, не повинны в преступлениях республиканцев; говорили также, что такой приказ оправдал бы массовые избиения, в которых повинны синие, их жестокость удвоится, и они не оставят на левом берегу ни одной живой души. Пленникам решили вернуть свободу. Не имея возможности принять участие в обсуждении, г-н де Лескюр прошептал: «Ах! Теперь

я могу вздохнуть с облегчением»; его слова услышала только я. С той поры некоторые из спасенных сумели найти способ выразить свою признательность: они спасли жизнь мадам де Боншан в Нанте, где подписали бумагу, удостоверявшую, что г-н де Боншан по просьбе жены помиловал вандейскую армию синих.

Мы стали готовиться к переправе; г-на де Лескюра завернули в одеяла и усадили в соломенное кресло на мягкий тюфяк. Покинув Сен-Флоран, мы в окружении толпы спустились на берег; нас сопровождали несколько офицеров с обнаженными саблями. <...> Доставив в лодку г-на де Лескюра, мы поднялись следом: Дюриво, мой отец, я с маленькой дочерью, и наши слуги. Моя матушка отправилась верхом; свиделись мы с ней только в Вараде. <...>

Высадившиеся на правом берегу вандейцы расходились не сразу, большинство устраивалось неподалеку от воды, ожидая, когда переправятся их друзья или родные. <...> Вараде находился в четвертилье, на склоне холма. Солдаты, сложив накрест две пики, понесли г-на де Лескюра вместе с креслом, а я и моя горничная поддерживали его ноги, обернутые одеялами. За нами с трудом поспевал г-н Дюриво.

Неожиданно со стороны Вараде раздались крики «К оружию!», послышалась барабанная дробь и ружейная пальба: никогда еще я не находилась столь близко от театра военных действий. Я в ужасе остановилась; г-н де Лескюр, постоянно впадавший в забытие, тоже услышал выстрелы. Я стала умолять его позволить нам спрятаться в соседней роще, но он ответил, что синие окажут ему услугу, ежели прикончат его, ибо пули причинят ему меньше страданий, чем холод и ветер. Я не послушалась его, и мы направились в рощу, где уже нашли пристанище многие вандейцы.

Когда все успокоилось, мы продолжили путь и вскоре вошли в Вараде. Там ко мне сразу бросился незнакомый крестьянин и, сжимая мне руку, сказал: «Мы все покинули наш родной край, теперь все мы братья и сестры и больше не расстанемся: я буду защищать вас до последней капли крови, и мы погибнем вместе». Г-ну де Лескюру выделили небольшую комнату, в этом же доме сумели расположиться мой отец и мать. Дом, как и все дома в Вараде, был полон беглецов, не знавших, что ждет их в будущем; многие страдали от голода, но эти славные люди настолько уважали заведенный хозяевами порядок, что когда я посоветовала им выкопать в саду картошку, они стали дожидаться дозволения квартирьера.

Боншан скончался, когда его несли к переправе; его похоронили на следующий день. Спустя несколько дней республиканцы выкопали его тело, отрубили голову и отослали ее в Конвент. Что стало с д'Эльбе, неизвестно; армия осталась без главнокомандующего. Г-н де Лескюр послал за старшими офицерами и велел им выбрать главнокомандующего; ему ответили, что командовать армией должен он, разумеется, когда поправится. «Господа, — ответил он, — рана моя смертельна; даже если я и выживу, а я не думаю, что это возможно, я все равно еще долго не смогу встать в строй. А командир нужен немедленно, нужен тот, кого любят солдаты, знают крестьяне и доверяют все: только так мы можем спасти наше дело. Единственный, кто знает всех солдат во всех отрядах, — это г-н де Ларошжаклен. Мой тесть г-н де Дониссан не местный, за ним охотно не пойдут; к тому же его вряд ли привлекает такое назначение. А Анри де Ларошжаклен воодушевит вандейцев, и я прошу вас назначить его главнокомандующим. А если я выживу, я стану его адъютантом».

Удалившись на военный совет, офицеры выбрали главнокомандующим г-на де Ларошжаклена. <...> Сам он не желал такой чести и даже весьма опечалился. Он утверждал, что в двадцать один год у него нет достаточного опыта, чтобы заставлять людей подчиняться себе; возраст, действительно, являлся единственным его недостатком. В бою же его отвага служила примером, воодушевляла солдат, и ему подчинялись слепо. Однако он никогда не настаивал на своем и не пытался убедить других в правильности своих решений; от такого избытка скромности он позволял другим управлять армией. Своим же друзьям-офицерам он говорил: «У них нет здравого смысла, но когда начнется бой, настанет наша очередь командовать, и нам будут подчиняться». Но, несмотря на сей недостаток, никто так не был достоин стать главнокомандующим, как он. Крестьяне с радостью шли за ним, он передавал им свою отвагу, свою энергию, он умел увлечь за собой целую армию. Отец же мой не желал взять на себя эту тяжелую задачу — вести за собой толпу крестьян, которых он совсем не знал, и которые с большей охотой подчинялись молодым людям, нежели тем, кто в возрасте.

Под радостные возгласы вандейцев г-н де Ларошжаклен был избран главнокомандующим. <...> Затем совет принялся обсуждать, куда теперь надобно двигаться армии. Г-н де Лескюр полагал необходимым идти на Нант. Он считал, что внезапная атака могла привести к победе; к тому

же, двигаясь на Нант, мы возвращались в нашу провинцию и могли бы согласовать свои действия с армией г-на де Шаретта¹⁰. От него не поступало известий, но мы считали, что наше поражение спасло его, ибо мы оттянули на себя основные силы врага. Кое-кто предлагал идти на Ренн, так как Бретань готова поддержать нас. Однако многие крестьяне еще помнили поражение, нанесенное им под стенами Нанта, и, дабы не обескуражить их, решили идти на Ренн. Шевалье де Боволье во главе небольшого авангарда был послан вперед, чтобы занять Энгранд.

Во время совета г-н де Лескюр словно обрел новые силы, но когда совет закончился, состояние его снова ухудшилось. <...> К вечеру пленники, которых мы отпустили в Сен-Флоране, нашли несколько пушек и наобум дали залп по Вараде, им ответили, но ни та, ни другая сторона не причинили друг другу никакого вреда.

На следующий день армии предстояло войти в Энгранд. Один молодой человек, местный житель, предложил спрятать у себя моего супруга, а также меня, мою мать и тетку, но г-н де Лескюр даже слышать не хотел о том, чтобы покинуть армию. <...> Не сумев найти карету для г-на де Лескюра, мы положили его на телегу, чей жесткий ход заставлял его так страдать, что он постоянно стонал от боли. В Энгранд он прибыл без сознания; мы остановились в первом же доме, где г-ну де Лескюру смогли предоставить плохонькую кровать; я спала на сене в одной комнате с ним, и у нас ничего не было на ужин. Вокруг царила такая неразбериха, что мы с трудом разыскали хирурга, чтобы тот перевязал г-на де Лескюра.

На следующее утро армия двинулась на Канде и Сегре. Мы не знали, как нам везти г-на де Лескюра, ибо он больше не мог переносить езду в телеге; пришлось снова устраивать носилки из старого кресла. Я шла за носилками пешком вместе с моей горничной Агатой и несколькими слугами, а мои мать, тетка и дочь уехали вперед. Мы тронулись в путь. <...> Стоны г-на де Лескюра надрывали мне душу; я была удручена и крайне утомлена, вдобавок я в кровь сбила ноги. Через полчаса я попросила Форе, возглавлявшего отряд, выделенный для сопровождения г-на де Лескюра, уступить мне свою лошадь. По обе стороны носилок ехали кавалеристы, а следом за носилками шли пехотинцы.

Боволье удалось раздобыть берлину¹¹, и он пригнал ее нам. В ней разложили матрасы, на которых мы устроили раненого; рядом с ним в карету сели Дюриво и Агата, которая поддерживала голову г-на де Лескюра; при малейшей тряске с губ его срывались стоны: боли его

усиливались. От крепкого рома ему стало хуже. Облегчение наступало только тогда, когда из раны торопливыми каплями начинала вытекать жидкость; в такие минуты мы старались продвинуться как можно больше вперед, а когда он снова начинал страдать, мы останавливались, а арьергард догонял нас и ждал, когда карета вновь тронется в путь. Г-н де Лескюр чувствовал, что умирает; из-за постоянной боли характер его изменился, и, изменив своим неизменным хладнокровию и ангельской кротости, он постоянно пребывал в нетерпении, и у него участились вспышки ярости. <...>

Мы приближались к Канде; не доезжая одного лье, мы услышали шум, напомнивший шум сражения. Так как на дороге мы были одни, а я ехала верхом, то я незаметно вырвалась вперед. Заслышав крик «Гусары!», я вернулась и села в карету к мужу, не объясняя причину своего поступка; я знала, что если мне доведется погибнуть, я хотела бы погибнуть вместе с супругом. Крики и шум вывели г-на де Лескюра из забытья; он сел, придвинулся к окошку и, увидев, как мимо проскакал Форэ, воскликнул: «А вот и ты! Теперь я спокоен: есть, кому командовать». Впрочем, тревога оказалась ложной: гусар оказалось всего трое, и они во весь опор убежали из Канде. К вечеру мы прибыли в этот маленький городок, захваченный после непродолжительного боя. Там мы разместились довольно неплохо; вдобавок в городе еще оставалось продовольствие. Голодные крестьяне набрасывались на яблоки, приготовленные для сидра; груды таких яблок лежали почти у каждой двери; сей рацион стал причиной сильнейшей дизентерии, начавшейся в армии. <...> На следующий день ранним утром мы тронулись в путь по дороге на Сегре и Шато-Гонтье. В Канде некая дама предложила спрятать г-на де Лескюра и всю нашу семью, но, как и в Вараде, мы отказались от такого предложения.

Диковинное зрелище являл этот марш вандейской армии: основные силы шли в авангарде и везли с собой несколько пушек; за ними, заполняя всю дорогу, без всякого порядка шла толпа. За ней тянулась артиллерия и обоз, женщины с детьми на руках, старики, опиравшиеся на сыновей, раненые в сопровождении своих боевых товарищей. Изменить порядок движения было невозможно, и командиры даже не пытались им управлять. <...> В арьергарде под охраной солдат на носилках двигался г-н де Лескюр.

Печальная процессия растянулась почти на четыре лье; если бы враг воспользовался пороками подобной неупорядоченности, он легко

мог бы нас разбить. На нас могли напасть гусары и изрубить центр колонны; фланги также оставались незащищенными; наша кавалерия насчитывала едва ли двенадцать сотен кавалеристов; нашими разведчиками были деревенские бедняки, мечтавшие получить за свою работу хлеб. От полного разгрома нашу армию оберегала только свойственная республиканцам ошибка: они атаковали либо авангард, либо арьергард колонны.

От Канде до Шато-Гонтье девять лье. Мы прошли через деревню Сегре, где крестьяне, как бывало обычно, сожгли бумаги администрации и деревья свободы. После тяжелого перехода под проливным дождем мы поздно вечером прибыли в Шато-Гонтье; республиканцы пытались его защищать, но сопротивлялись они недолго. Дорога и голод измучили меня: я выехала без завтрака, по дороге отдала свой хлеб раненым, и за весь день, до самой полуночи, я съела всего два яблока. Во время этого похода я часто страдала от голода, физические страдания усугубляли страдания душевные.

В Шато-Гонтье мы узнали, что синие, вернувшись в Канде, убили раненых, которых мы вынуждены были там оставить. С тех пор синие всегда добывали наших раненых. Мы никогда не прибегали к карательным мерам; но ужасающая жестокость, с которой синие вели войну, взывала к мщению. Г-н де Мариньи велел схватить мирового судью Шато-Гонтье, слывшего ярым и свирепым республиканцем; судья прятался в погребке, но Мариньи собственноручно притащил его на площадь и убил, а вместе с ним и еще нескольких человек. В дальнейшем Мариньи не раз поступал очень жестоко, и хотя ни один из офицеров не подражал ему, но никто и не порицал его. Вот так гражданская война портит характер. Г-н де Мариньи, один из самых кротких и самых приятных людей, которых я когда-либо знала, превратился в кровожадного убийцу.

В Шато-Гонтье впервые применили дисциплинарное наказание. Солдат, немец по происхождению, пытаясь отобрать деньги у женщины, ударил ее саблей; солдата расстреляли. Грабеж всегда был запрещен, но нельзя было уследить за всеми, ведь у нас не было ни складов, ни обоза, ни продовольствия; нигде никто не готовился встречать нас. И даже те жители, кто был к нам расположен, не осмеливались помогать нам из страха завтра стать жертвами мести республиканцев. Мы же требовали всего лишь съестных припасов и не налагали контрибуции. Солдатам по необходимости дозволялось брать чистое белье и одежду

в обмен на свое белье и одежду. Даже мне случалось поступать так же и просить уступить мне какие-нибудь одежды, некрасивые, но чистые.

Проведя в Шато-Гонтье двенадцать часов, мы направились в Лаваль. <...> Город защищали пятнадцать тысяч национальных гвардейцев, но сопротивлялись они недолго и вскоре пустились в бегство. В Лавале вандейцев встретили с радостью: жители им искренне сочувствовали. В этом довольно большом городе — в отличие от пройденных нами селений — нашлись солидные запасы продовольствия и прочих необходимых вещей. Немало крестьян из Бретани и тамошних местных жителей захотели к нам присоединиться. Я видела, как с криками «Да здравствует король!» прибыл целый отряд, главарь которого нес вместо знамени привязанный к палке белый платок. Число новобранцев быстро приблизилось к шести тысячам: новому лагерю дали прозвание «Маленькая Вандея». Бретонцев узнавали по длинным волосам и одежде, сшитой из козьих шкур мехом наружу. Они очень хорошо сражались, но такого массового восстания, как в Вандее, в Бретани не было. Отряд бретонцев состоял в основном из молодых людей из всех уголков провинции.

Решили, что армия на несколько дней задержаться в Лавале: людям требовался отдых. <...> Отдых пошел на пользу и г-ну де Лескюру; он воспрянул духом и уже на второй день чувствовал себя гораздо лучше. Но когда вечером ко мне пришли несколько офицеров, неожиданно раздались крики, из коих мы поняли, что майнцы снова нас атакуют. Сначала всех успокаивали, что ничего особенного не происходит, однако я явственно слышала, как созывали солдат, как пытались пробудить в них боевой дух. Ибо грозный Майнцкий батальон, изгнавший нас из наших домов, внушал страх, особенно когда сразиться с ним предстояло на равнине. Так как мы разместились на окраине города со стороны Шато-Гонтье, я велела перевезти г-на де Лескюра на окраину в противоположном конце города.

Г-н Форестье, взяв с собой нескольких офицеров, отправился убедиться, насколько точны сведения о наступлении противника; вернувшись, он пошел на доклад к генералам. Произвести вторую разведку г-н де Ларошжаклен послал нескольких кавалеристов во главе с г-ном Мартеном из армии Боншана. Сведения подтвердились, вандейцы выступили навстречу республиканцам и встретили их на полпути между Лавалем и Антрамом. Не ожидая, что наша армия окажется столь многочисленной, синие почти не сопротивлялись и довольно быстро

обратились в бегство, тем более что ночной мрак мешал совершению маневров. Но мы продолжили атаковать их тылы, и началась такая неразбериха, что наши люди брали заряды в их ящиках, а те в наших. Однако беспорядок пошел на пользу вандейцам: их потери оказались ничтожно малы, противник же, напротив, понес большой урон. Тьма была такая, что г-н Келлер протянул руку какому-то республиканцу, чтобы вытащить его из ямы, приняв его за нашего солдата, но тут выстрелила пушка, и он, увидев синюю форму спасенного, убил его.

Следующий день прошел спокойно. Г-н де Лескюр чувствовал себя настолько хорошо, что верхом вернулся в прежнее жилище. Но уже через день утром стало известно, что республиканская армия в полном составе собирается наступать на Лаваль. Ночной разгром показал, что вандейцы по-прежнему многочисленны и грозны; и в этот раз республиканцы собрали грозную силу — тридцать тысяч отборных солдат.

Все чувствовали важность предстоящего сражения; шли приготовления, все собирались биться до последнего. Г-н де Лескюр хотел воспользоваться улучшением своего состояния и верхом отправиться в бой; нам с трудом удалось отговорить его. Видя, как сильно мы противимся его замыслу, он прильнул к окну и ободрял солдат, уходивших в бой. Усталость и волнения того несчастного утра уничтожили плоды трехдневного покоя и забот; с этого времени состояние г-на де Лескюра только ухудшалось.

Сражение началось около одиннадцати утра. В этом бою хладнокровие и талант г-на де Ларошжаклена вызвали восхищение всех офицеров. До сих пор он отважно устремлялся в бой, не думая о том, следует ли кто-нибудь за ним. В тот день он постоянно держался во главе наступающих, руководил ими и не позволял особенно рьяным вырываться вперед, нарушая строй и порядок, что зачастую приводило к плачевным последствиям. <...> Анри придавал большое значение полному разгрому врага.

После той победы следовало бы изменить направление движения вандейской армии и с триумфом вернуться в наш край, откуда Майнцский батальон изгнал нас, но теперь мы сумели ему отомстить. В то время мы вполне могли взять Анже и переправиться обратно через Луару: таково было мнение Ларошжаклена. Когда он вернулся в Лаваль, начались военные советы, во время которых верх одержали коварство, ревность и тайные интриги, разобщившие офицеров вандейской армии. Помимо ежедневных инцидентов, становившихся

поводом для язвительных перепалок, главной темой споров явилось направление движения армии и ее ближайшие цели и задачи. Возможность обратной переправы через Луару была упущена; к великому сожалению вандейцев, республиканцы поставили на этом пути труднопреодолимые преграды. Уверенный в поддержке всей Бретани, г-н де Тальмон хотел идти на Париж. Значительная часть командиров требовала идти на Ренн, где население нам сочувствовало, и они надеялись поднять там всеобщее восстание.

Во время боя принесли письмо, адресованное генералам королевской армии, а так как из командиров на месте присутствовал только г-н де Лескюр, письмо передали ему; я открыла его и прочла. Оно было кратким; после восхваления отважной королевской армии, сообщалось, что под Ренном стоит пятидесятитысячная армия мятежников, готовая к боевым действиям, и начальники этой армии просят охранное свидетельство, чтобы прибыть на переговоры с нашими генералами. Мне показалось, что автором письма был г-н де Пюизе; остальных подписей я не помню, помню только, что подписавшие значились генералами и командующими. Мы много смеялись над этой невидимой пятидесятитысячной армией, командующий которой просил у нас охранное свидетельство. Мы даже предположили, что человек, принесший письмо, мог оказаться шпионом. Ответ был дан в устной форме: так как мы в то время находились всего лишь в двенадцати лье от Ренна, пятьдесят тысяч человек вполне могут начать боевые действия, а мы готовы их поддержать. Поговорить же с нашими генералами можно и без охранной грамоты. Письмо не внушило доверия и не смогло повлиять на выбор нами направления движения армии; но так как иными путями мы узнали, что в тех краях зреет мятеж, а Ренн, как известно, является столицей Бретани, то решили идти на Ренн.

Прозвучали предложения захватить один из морских портов. <...> Тальмон по-прежнему настаивал на походе на Париж; он утверждал, что захватить столицу вполне реально. Анри де Ларошжаклен счел его план несбыточным, ибо за нашей армией тянулся шлейф из женщин, детей и раненых. К тому же вандейские крестьяне явно откажутся предпринять столь дальний поход. Наконец договорились идти в Фужер, откуда можно будет двинуться или на Ренн, или на побережье.

К концу нашего пребывания в Лавале страдания г-на де Лескюра усилились. Хотя теперь его рану перевязывали регулярно, он перестал

выполнять предписания хирурга, отказывался от лекарств, питался лишь рисом, молоком и изюмом. Его череп оказался треснувшим до самого основания, что поначалу оставалось незамеченным. Волосы, слипшиеся от крови, пота и вытекавшей из раны сукровицы, очень ему мешали, и он захотел сбрить их, уверяя нас, что это принесет ему облегчение. Мне казалось, что именно такая процедура, а также усталость, охватившая его после второго сражения, уничтожили все надежды на его выздоровление. Разногласия среди командиров всегда причиняли ему страдания. Чем бы он ни занимался, он во все вкладывал душу и волновался необычайно. <...>

В Лавале мы провели девять дней. Накануне нашего отъезда я утром прилегла на матрас возле кровати г-на де Лескюра: мне показалось, что он заснул; все вышли из комнаты, включая Дюриво. Неожиданно г-н де Лескюр позвал меня прежним ласковым тоном, снова вернувшимся к нему и больше его не покидавшим; он попросил меня отодвинуть занавески. Я встала и отдернула их. «Светел ли сегодняшний день?» — спросил он. «Да», — ответила я. «У меня перед глазами словно пелена повисла; все видится мне расплывчатым. Я всегда считал, что рана моя смертельна, теперь же я в этом не сомневаюсь. Дорогая моя, скоро я тебя покину, и только об этом я и сожалею. Я оставляю тебя посреди гражданской войны, беременной, с маленьким ребенком на руках, и это не может не печалить меня. Попробуй спастись, переоденься в мужской костюм и пробирайся в Англию». Увидев, что я залилась слезами, он продолжил: «Только твоя печаль заставляет меня сожалеть об уходящей жизни; сам же я совершенно спокоен. Конечно, я грешил, но я не сделал ничего такого, что могло бы омрачить мою совесть: я всегда почитал Бога, я сражался и умираю за него, а потому уповаю на его милосердие. Я часто видел смерть и не боюсь ее; я уверен, что попаду на небо. Мне жаль только тебя: я очень хотел составить твое счастье. Если когда-нибудь я дал тебе повод для жалоб, прости меня». Его лицо было ясно, и, только когда он снова произнес: «Мне жаль лишь оставлять тебя», — глаза его наполнились слезами. А еще он сказал мне: «Утешься, думай о том, что я отправлюсь на небо. Я плачу только о тебе». Наконец, не в силах более сдерживать свое горе, я ушла в соседнюю комнату. Вернулся г-н Дюриво, и г-н де Лескюр попросил его отыскать меня и привести к нему. Дюриво нашел меня на коленях и в слезах; пытаюсь меня утешить, он поднял меня и отвел в комнату.

Г-н де Лескюр продолжил кротко говорить со мной; видя, как я страдаю, он с состраданием произнес, что, возможно, он ошибается относительно своего состояния, и хорошо бы созвать консилиум врачей. Я немедленно последовала его совету. Он же сказал врачам: «Господа, я не боюсь смерти; скажите мне правду, мне надобно время, чтобы подготовиться».

Думаю, он хотел вкусить святых даров и обновить свое завещание, составленное в мою пользу: но я с ужасом отталкивала все, что являлось подтверждением того, что жить ему осталось недолго. Врачи дали призрачную надежду; он спокойно им ответил: «Думаю, вы ошибаетесь; однако позаботьтесь сообщить мне, когда конец будет близок».

2 ноября мы покинули Лаваль, так и не решив толком, идем ли мы на Ренн; самая короткая дорога, которая вела в этот город, была дорога на Витре. Стоффле, пользуясь имевшейся у него властью, отдал приказ своему войску развернуть знамена и с барабанным боем идти на Фужер.

По дороге г-н де Лескюр узнал новость, которую я от него старательно скрывала, понимая, что она доставит ему немало горя. Когда его карета остановилась, кто-то зачитал ему газетную заметку, где подробно описывали казнь королевы. «О, чудовища! — воскликнул он. — Они убили ее! А я сражался, чтобы освободить ее! Если я останусь жить, то лишь для того, чтобы отомстить! Больше никакой пощады!» Мысли о королеве не покидали его, он только и говорил, что об этом страшном преступлении.

Прибыв вечером в Майенн, утром мы продолжили путь. После короткого боя, завершившегося убедительной победой нашей армии, мы вошли в Эрне и там заночевали. Смертельно усталая, я упала на матрас подле г-на де Лескюра и забылась сном. Пока я спала, больной стремительно терял силы, и многие сочли, что у него началась агония; ему поставили нарывной пластырь. Он попросил позвать к нему того священника, который приходил к нему в Вараде; но через мгновение он потерял дар речи и не смог поговорить со священником; он получил последнее причастие. Окружающие старались все делать тихо, чтобы не разбудить меня. Пробудившись в час ночи, я увидела, в каком ужасном состоянии находился мой супруг. Он был еще в сознании, но говорить уже не мог; глядя на меня, он лишь обращал взор к небу, плакал и то и дело сжимал мне руку. Двенадцать часов я провела в таком тяжелом состоянии, что даже не могу его описать. Невозможно представить, как я смогла вытерпеть эту боль.

В полдень пришлось покинуть Эрне и продолжать путь: но я посчитала это невозможным. Понимая, что рискую попасть в руки синих, я все же хотела, чтобы нас оставили. Шевалье де Боволье испросил разрешения остаться с нами. Мне объяснили, что мое желание дожидаться страшной смерти равно невыполнению воли г-на де Лескюра, ибо в таком случае его тело наверняка окажется в руках республиканцев. Эта мысль сразила меня; тот кошмар, который они учинили над телом Боншана, вверг меня в глубочайший ужас: я не могла представить себе подобного надругательства; меня убедили в необходимости покинуть Эрне. Какая страшная война! Какие ужасные враги! Нам приходилось спасать от их ярости умирающего, который много раз щадил их как в бою, так и в плену. Итак, я была обречена стать свидетельницей его последних мгновений, омраченных агитацией сего скорбного пути. Я разместились в карете подле г-на де Лескюра. Он страдал и стонал. Наши друзья представили дело так, что в таком положении ему более полезен хирург, нежели я, а я, наоборот, препятствую хирургу оказывать ему необходимую помощь. Меня попросили выйти из кареты; мое место занял хирург, а мне дали коня; мать, шевалье де Боволье, гг. Жаго, Дюриво и шевалье де Мондион окружили меня. Я ничего не видела и чувствовала себя раздавленной, все вокруг меня покрылось мраком.

Признаюсь, если бы в тот день я встретила на дороге отряд республиканцев, я бы непременно пустила коня в галоп, чтобы растоптать тех, кто убил г-на де Лескюра.

Примерно через час из закрытого экипажа донеслись какие-то звуки, а затем рыдания; я хотела открыть дверцу, но мне сказали, что г-н де Лескюр пребывает в прежнем состоянии и холод может повредить ему; меня уговорили отъехать от кареты. Уверенная, что случилось несчастье, я тем не менее не стала настаивать, ибо боялась получить ожидаемый ответ; силы мои были на исходе, и я подчинилась воле тех, кто меня окружал.

Шесть или семь часов я ехала подле кареты. Шел дождь. На подъезде к Фужеру мы узнали, что там шел бой, завершившийся разгромом республиканцев. Но перед въездом в город они успели соорудить земляные укрепления, сквозь которые с трудом могла протиснуться одна повозка, так что, когда мы к ним подъехали, обнаружилось, что карета сможет спокойно въехать в город не раньше, чем через два часа. Въехать в город на лошади также было затруднительно. Меня угово-

рили спешиться и пойти пешком. У меня ужасно болела поясница. Но мне сказали, что мой долг сохранить ребенка, которым я беременна, и чью жизнь я подвергала опасности. Шевалье де Боволье пообещал, что как только карета въедет в город, он немедленно отведет меня к г-ну де Лескюру. <...>

В Фужере мы остановились в первом же доме. Добрые солдаты согрели меня, дали мне вина и заботились обо мне до тех пор, пока экипаж, присланный моей матерью, не увез меня в ее жилище, которое она занимала в городе. Там меня ждала постель, и меня уложили спать. Не став сопротивляться, я легла, но время от времени спрашивала, не прибыла ли карета г-на де Лескюра. Когда же раздался стук колес, я потребовала от шевалье де Боволье выполнить обещание; он вышел из дома, но через минуту вернулся в слезах и, взяв меня за руки, сказал, что я должна думать о своем будущем ребенке. И меня снова уложили в постель. В действительности звуки, донесшиеся до меня по дороге из кареты, были последними, произнесенными г-ном де Лескюром. <...>

Комната, где меня уложили в Фужере, была проходной, вокруг постоянно ходили наши люди, и, хотя они старались не смотреть в мою сторону, видеть их для меня было очень тяжело. Однако полагаю, что если бы я осталась наедине со своим горем, я бы не смогла сопротивляться ему. Я так страдала, что с губ моих то и дело срывались стоны. Позвали врача, и он заявил, что если мне немедленно не пустить кровь, у меня случится выкидыш. Г-н Аллар выскочил на улицу и с криком «Хирурга! Женщина умирает!» побежал искать хирурга. Вскоре он привел его ко мне. Я так и не узнала имени того хирурга, но лицо его и страх, который он мне внушал, я запомнила навсегда. Я сказала ему, что боюсь кровопускания. «Но я-то не боюсь, — ответил он, — на войне я убил больше трехсот человек и еще сегодня утром свернул шею жандарму, так что уж женщине кровь пустить сумею. Посему давайте мне вашу руку». После укола его ланцета из меня медленно потекла кровь; мне стало дурно. Но кровопускание спасло меня.

На следующий день ко мне пришли де Ларошжаклен, де Боже, Дезессар и шевалье де Боволье; они не говорили не слова, а лишь горько плакали. Через четверть часа Анри встал и обнял меня. «Вы потеряли лучшего друга, — сказала я ему, — после меня он больше всего на свете дорожил вами». — «Если моя жизнь может вернуть его

вам, возьмите ее», — ответил он мне. Все плакали; для всех, кто знал г-на де Лескюра, его смерть стала настоящим несчастьем.

Вскоре я обрела облегчение в том, что принялась постоянно говорить о г-не де Лескюре, вспоминать обо всем, что хоть как-то относилось к нему, перебирать дорогие его сердцу вещицы, слушать, как все горько сожалели о его смерти. Именно г-н де Лескюр первым стал уговаривать меня начать писать воспоминания.

Чтобы тело г-на де Лескюра не попало в руки республиканцев и не подверглось надругательствам, я хотела забальзамировать его и возить с собой в карете; но мне сказали, что это опасно для моего будущего ребенка. Отслужив заупокойную мессу, аббат Жаго похоронил внутренности г-на де Лескюра в Фужере, тело же положили в гроб, который поставили на телегу. <...> Когда через несколько дней аббат заболел, гроб таинственным образом пропал, и, несмотря на все мои старания, я так и не смогла узнать, ни как он исчез, ни куда. Думаю, исчезновению способствовал мой отец, которому очень не нравилось мое желание не расставаться с телом мужа, ибо он понимал, что в наших тогдашних условиях это невозможно. Как бы там ни было, я до сих пор не знаю, где покоятся его останки; однако в одном я уверена: они не попали в руки республиканцев, и об этом позаботился мой отец.

Постепенно мое здоровье перестало внушать всем опасения, однако лихорадка не оставляла меня еще целых полгода; я была очень слаба.

-
1. Маркиз Шарль де Боншан (1760–1793) — один из главных предводителей мятежа в Вандее. Умер от ран; перед смертью приказал пощадить пять тысяч пленников-республиканцев; приказ был выполнен.
  2. Граф Анри де Ларошжаклен (1772–1794) — один из главных предводителей мятежа в Вандее. Погиб в сражении.
  3. Граф Дюшаффо (1708–1794) — генерал-лейтенант королевского флота; скончался в тюрьме.
  4. Вестерманн Франсуа-Жозеф (1751–1794) — генерал республиканской армии, направленной на усмирение Вандеи, проводил политику террора по отношению к мятежникам и местному населению, за что получил прозвание «мясник Вандеи».
  5. Принц де Тальмон (1765–1794) — офицер, командир кавалерийского отряда повстанцев; арестован и гильотинирован в Лавале.
  6. Анри де Руаран (1726–1793) — командир вандейских повстанцев.

- Скончался от полученных в бою ран.
7. Дюриво — офицер армии Лескюра.
  8. Морис д'Эльбе (1752–1794) — офицер, командующий Вандейской армией, расстрелян в Нуармутье.
  9. Жан-Никола Стоффле (1753–1796) — сын мельника, до революции служил рядовым; один из главных предводителей мятежа в Вандее; расстрелян в Анже.
  10. Франсуа Шаретт де ла Контри (1763–1796) — офицер, командующий Католической армией, расстрелян в Нанте.
  11. Берлина — старинная двухместная карета

*Предисловие, перевод с французского
и примечания Елены МОРОЗОВОЙ*